

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГЕОПОЛИТИКИ

УДК 327.39

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

ПАШКОВСКИЙ ПЁТР ИГОРЕВИЧ

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены подходы к позиционированию постсоветского пространства в контексте проблем внешнеполитической стратегии и национальной безопасности России в современных отечественных международно-политических концепциях. Показано, что российский внешнеполитический дискурс 2000-х гг. эволюционирует в сторону формирования концепций прагматического содержания. Идеи «атлантизма» приобретают более реалистичный характер в форме концепции «либеральной империи». Парадигма «реализма» воплотилась в виде российского «державничества», проявлениями которого стали: идея сохранения status quo на постсоветском пространстве; концепция России как «великой европейской державы»; постулирование «особых отношений» с «ближним зарубежьем». Укрепляются позиции сторонников консервативно-патриотического направления. Растёт популярность и значение концепции «Русского мира». В русле «неоевразийства» формируется концепция возрождения России как «евразийской империи» в форме нового Евразийского союза. На пересечении «державничества» и «неоевразийства» находится концепция «Россия – Пятая Империя». Определённые дополнения внесены в концепцию «Остров Россия». Теоретическое осмысление национальных интересов РФ происходит в рамках концепции «реального суверенитета».

Ключевые слова: Россия; постсоветское пространство; внешнеполитическая стратегия; национальная безопасность; международно-политические концепции.

PROBLEMS OF FOREIGN POLICY STRATEGY AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE MODERN DOMESTIC INTERNATIONAL-POLITICAL CONCEPTS

PASHKOVSKY P. I.

ABSTRACT

The approaches to the positioning of the post-Soviet space in the context of the problems of foreign policy strategy and national security of Russia in the modern domestic international-political concepts have been considered. It is shown that the Russian foreign policy discourse of the 2000s has evolved in the direction forming the concept of pragmatic content. The ideas of «Atlanticism» have become more realistic appearance in the form of the concept of «the liberal empire». The paradigm of «realism» was embodied in the form of the Russian «Great power nationalism», manifestations of which are: the idea of the status quo in the post-Soviet space; the concept of Russia as a «Great European power»; postulation of a «special relationship» with the «near abroad». The positions of supporters of the conservative-patriotic direction have been strengthened. The popularity and importance of the concept of «Russian world» is growing. In the context of «Neo-Eurasianism» is formed the concept of Russia's revival as a «Eurasian empire» in the form of a new Eurasian Union. At the intersection of «Great power nationalism» and «Neo-Eurasianism» is located the concept of «Russia – the Fifth Empire». Certain amendments have been introduced to the concept of «the Island of Russia». Theoretical understanding of the national interests of the Russian Federation takes place within the concept of «the real sovereignty».

Keywords: Russia; post-Soviet space; foreign policy strategy; national security; international-political concepts.

Современное увеличение конфликтного потенциала постсоветского пространства (ПП) актуализирует изучение опыта осмысления проблем внешнеполитической стратегии, обеспечения национальных интересов и безопасности нашего государства в регионе. Ещё в конце 1990-х гг. стала

очевидной необходимость изменения во внешнеполитическом мышлении руководства Российской Федерации (РФ). При этом определённые перемены уже намечались в настроении её элит и практической плоскости внешней политики. Директор программы по России и Евразии Вашингтонского

Центра стратегических и международных исследований Э. Качинс писал о проявлении в это время в мышлении российского руководства установки «нежелания полной интеграции с Западом, представлявшейся целью сразу после распада Советского Союза». Вслед за практически десятилетним периодом, когда российская внутренняя власть и внешнеполитическое влияние находились на «историческом минимуме», наступило время быстрого восстановления «своего авторитета и стремления воздействовать на широкий круг вопросов» [1, р. 4].

В свою очередь, под влиянием внутренних и внешних факторов российские геополитические парадигмы 1990-х гг. переживают определённую эволюцию. Подобное объясняется закономерностью условий смены парадигм. «Парадигмы слабеют по мере того, – указывает В. Крашенинникова, – как они теряют свою способность разрешать новые задачи и проблемы. Серьёзные, противоречащие мейнстриму интеллектуальные школы, также могут обессилить парадигму. Но даже если убедительность старой парадигмы расшатана за счёт её неспособности объяснить новые факты, идущая ей на смену новая парадигма будет принята только тогда, когда критическая масса людей уже видит мир через неё» [2, с. 204]. Исходя из сказанного, интересным представляется обзорное рассмотрение содержания базовых концепций отечественных исследователей, общественных и политических деятелей, касающихся вопросов внешнеполитического курса и национальной безопасности России на постсоветском пространстве в начале XXI века.

Показательно, что в указанный период идеи «атлантизма» образца 1990-х гг. адаптируются к условиям пересмотра внешнеполитических подходов, приобретая более реалистичный характер. Так, на пересечении «реализма» и «атлантизма» находятся взгляды члена политкомитета партии «Яблоко», члена-корреспондента РАН А. Арбатова, отмечавшего: «Не авторитарная военная империя, а великая демократическая европейская держава – таков единственный оптимистический вариант будущего России» [3]. На фоне неудачного опыта функционирования Содружества, отношения с новыми независимыми государствами (ННГ) – построенные на основе уважения их независимости и территориальной целостности – являются высшим приоритетом российской стратегии национальной безопасности [4]. Поскольку военное присутствие НАТО на ПП будет возрастать, РФ должна, избегая открытого сопротивления расширению Альянса, заблокировать аспекты, противоречащие её интересам (вступление Азербайджана, Грузии и Украины в НАТО), а также стремиться увеличить свою роль в выполнении задач Альянса, пытаясь использовать его ресурсы в российских целях [5].

Либерально-«атлантистские» идеи в первое десятилетие XXI века нашли своё отражение во

взглядах президента Ассоциации Евро-атлантического сотрудничества А. Адамишина [6], Генерального директора Центра этнополитических и региональных исследований Э. Паина [7] и директора Института стратегических исследований, члена бюро РДП «Яблоко» А. Пионтковского [8]. Их подходы можно свести к следующему: России не следует добиваться главенствующей роли в рамках «ближнего зарубежья»; СНГ не даёт возможности демократизации РФ, «высасывая» её энергетические и интеллектуальные ресурсы; России необходимо позиционировать себя с наиболее развитыми государствами мира, пытаясь войти в «семью европейских народов» на условиях «социально-ориентированного рынка».

Обновлённый вариант «атлантистских» подходов представляет концепция «либеральной империи», озвученная в сентябре 2003 г. А. Чубайсом [9]. Основное положение концепции заключается в том, что поскольку РФ является (по базовым экономическим показателям) естественным лидером на ПП – она должна взять на себя роль гаранта экономического развития и безопасности региона, активно продвигаясь во внешний мир. Для эффективного продвижения российской экономики на мировом рынке государство обязано, с одной стороны, поддерживать условия рыночной конкуренции, чтобы избежать технологического отставания, с другой – противодействовать нерыночным методам других государств и активно помогать своим компаниям в случае применения к ним нерыночных методов [10].

Следовательно, Россия заинтересована в том, чтобы её соседями были демократические страны, где действует механизм контроля над выполнением обещаний. При этом РФ должна защищать (без применения военной силы и нарушения международного законодательства) права и интересы всех, кто готов себя с ней идентифицировать, в том числе русскоязычного населения стран СНГ. «...Для меня либеральный империализм, – пояснял смысл указанной концепции А. Чубайс, – вовсе не означает, что мы можем всерьёз отказываться от принципа нерушимости границ. Конечно, это не означает, что мы будем нарушать общепризнанные нормы международного права. Это означает то, что государство обязано всеми способами содействовать развитию российской культуры и культуры других народов в наших странах-соседях. <...> Российское государство всеми способами должно содействовать экспансии российского бизнеса за пределы государства – к нашим соседям. <...> Напрямую законными методами делать все, чтобы поддержать базовые ценности свободы и демократии не только в России, но и во всех государствах-соседях. <...> Не нужно нам никакого вступления, не в ЕС, не в НАТО. Мы туда не поместимся ни экономически и политически, ни географически. <...> Вместо этого нам нужно просто увидеть сейчас контуры нового формирующегося мира XXI века, в котором

будут США, на сегодня самая крупная империя в мире. Новая объединившаяся Европа (завершается процесс формирования европейской конституции и объединение Европы – не за горами), Япония (в тяжелом кризисе, но явно из него выйдет), и в котором должна занять свое место и наша страна. Не просто занять место в этой цепочке, а замкнуть это кольцо великих демократий XXI века» [9].

Парадигма «реализма» проявилась в форме российского «державничества». Одной из разновидностей данного направления стала идея *status quo* на ПП, принадлежащая политологу Г. Павловскому [11; 12]. По мнению данного исследователя, в Европе конца первого десятилетия XXI века параллельно осуществляется реализация двух крупных проектов: ЕС и России. Европе в этом контексте нужен безопасный Восток, а РФ – стабильность в полосе от Балтики до Причерноморья, где любые геополитические изменения представляются опасными. К факторам дисбаланса при этом относятся: стремление Украины вступить в НАТО; попытки «выдавливания» ЧФ РФ из Севастополя; геополитическая напряжённость в треугольнике Кавказ-Крым-Молдова. Поэтому России необходимо чётко обозначить и твёрдо отстаивать свои интересы в данных регионах в целях сохранения *status quo*.

Либерально-патриотическое направление «державничества» было представлено концепцией России как «великой европейской державы», в рамках которой РФ рассматривается частью Европы, являясь в то же время самостоятельным и сильным игроком на международной арене [13]. Одним из сторонников данной концепции являлся директор Института политических исследований С. Марков [14], поддерживавший идею вхождения РФ в европейский проект. В результате этого Россия должна стать лидером двух больших коалиций: узкой (интегрированные по цивилизационным признакам Украина, Беларусь, Казахстан и др.) и широкой (страны, выступающие против сползания мира к хаосу, якобы происходящему по вине США).

Более решительную «державническую» позицию в отношении приоритетов РФ в регионе ННГ занимает директор Института стран СНГ К. Затулин [15; 16]. Налаживание «особых отношений» с «ближним зарубежьем» он считает основополагающей целью российской политики. В этой связи важнейшим видится вопрос урегулирования отношений с Украиной, а также интеграции с Беларуссией. Ключевое значение имеет поддержка российских соотечественников, проживающих на ПП. Более того, русских и украинцев К. Затулин считает одним «восточнославянским народом», а Крым рассматривается им в качестве территории «особых» стратегических интересов России.

На фоне внутривосточной стабилизации и более прагматичного внешнеполитического курса РФ на ПП в первое десятилетие XXI века

укрепляются позиции сторонников консервативно-патриотического направления российской государственности. Основы их концепций сводились к следующим положениям: российская история непрерывна; распад СССР – масштабная историческая драма; Россия, имея самобытный опыт, является частью европейской цивилизации посредством общих христианских корней; идеологической базой выступают традиции славянофильства и православия.

Значительным представителем данного направления является президент Фонда исторической перспективы, руководитель парижского отделения российского Института демократии и сотрудничества, доктор исторических наук Н. Нарочницкая [17]. Она полагает, что РФ может существовать в мировой истории только в роли великой евразийской державы – медиатора цивилизаций Запада и Востока. При этом геополитическими регионами, делающими из России сверхдержаву, являются Крым и Прибалтика. Основной задачей РФ в условиях крушения однополярного мира и выстраивания многополярности видится необходимость сохранения «геополитического облика ареала исторического государства Российского», чтобы воспрепятствовать переориентации ННГ на «недружественных партнёров», тем самым устранив угрозу превращения «исторической российской территории» в сферу влияния конкурентов.

С началом 2000-х гг. в среде российских интеллектуалов растёт популярность концепции «Русского мира». Её основы были сформулированы ещё в XIX веке. Заметный вклад в популяризацию «обновлённой» идеи «Русского мира» внёс философ и политтехнолог П. Щедровицкий [18], который, в частности, определил время возникновения данного понятия в новых условиях периодом 1993 – 1997 гг. Также в наши дни указанную концепцию развивает патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Существует ряд трактовок идеи «Русского мира», однако её лейтмотивом является мысль о наличии единого «цивилизационного пространства» на территории «исторической Руси», держащегося на трёх столпах: православие; русский язык и культура; общая историческая память и взгляды на общественное развитие [19; 20].

Определённой эволюции подверглась идеология «неоевразийства». Под влиянием данного направления к концу 1990-х гг. формируются идеи возрождения России как «евразийской империи». С учётом различий в подходах, эту концепцию поддерживали известные российские интеллектуалы (Д. Володихин, Г. Джемаль, Б. Ерасов, В. Махнач, Б. Межуев, С. Кортуннов, С. Кургинян, А. Панарин, В. Третьяков и др.). Императивом российской политики они считали установление контроля над ПП, являющимся зоной стратегических интересов РФ, а, впоследствии, и восстановление российской государственности в исторических границах [21; 22].

Наиболее показательными в контексте идеи возрождения «евразийской империи» представляются мысли лидера Международного евразийского движения А. Дугина. К началу 2000-х гг. происходит кристаллизация его взглядов в виде «неоевразийства» и консерватизма. «Евразийской установкой, – объяснял сущность российских интеграционных приоритетов А. Дугин, – определяется вектор внимания России к постсоветскому пространству в целом. По сути, речь идёт о том, чтобы воссоздать единое стратегическое пространство в рамках бывшего Советского Союза – с некоторыми добавлениями (Монголия) и изъятиями (страны Балтии), но на совершенно иной мировоззренческой основе. Этот масштаб минимально необходимый для того, чтобы Россия в новой форме Евразийского союза восстановила стратегический потенциал, снова делающий её «империей». Правда, на этот раз «империя» не будет иметь императора, и не будет основываться на жёсткой марксистской идеологии. Евразийский союз должен быть образован добровольным путём – через свободное волеизъявление суверенных постсоветских держав. И политическая структура этого будущего образования должна учитывать императив автономии каждой составляющей части. Для этого оптимально подходит модель конфедерации» [23, с. 165].

Характеризуя систему управления и механизмы функционирования Евразийского союза, А. Дугин отмечал: «Такое объединение предполагает единый центр военного командования, общую границу, единое экономическое пространство с общей системой таможенных барьеров и транспортных тарифов, общую валюту и некоторый минимум признаваемых всеми правовых норм. Но вместе с тем каждая страна будет обладать высокой степенью свободы в выборе внутренней политики, политической и социальной организации, правовой системы (в тех вопросах, которые не противоречат общим конфедеративным нормам)» [23, с. 165].

Начало второго десятилетия XXI века ознаменовалось активизацией интеграционных процессов на ПП, связанной с реализацией идеи Евразийского союза (ЕАС). Так, в июле 2011 г. глава российского правительства В. Путин заявляет, что в «следующем году» намечается подписание декларации ЕАС, который может начать функционировать уже в 2013 г. А 3 октября 2011 г. в газете «Известия» публикуется его статья [24], где представлены контуры проекта создания ЕАС на базе России, Белоруссии, Казахстана и соответствующих интеграционных структур СНГ – Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Единого экономического пространства (ЕЭП) и Таможенного союза (ТС). По замыслу одного из основных идеологов проекта, академика С. Глазьева, формирование ЕАС предполагает три стадии: зону свободной торговли в рамках Содружества, ТС в формате ЕврАзЭС, а также ЕЭП (РФ, Казахстан, Белоруссия), состоящее из ряда проектов и согла-

шений, членство в которых определяется каждой страной самостоятельно [25].

Впоследствии проект предусматривает образование конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством по аналогии с ЕС и другими подобными региональными объединениями. При этом подчёркивается, что ЕАС будет строиться по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком и одним из геополитических «полюсов» современного мира, играя роль эффективной «связки» между Европой и динамично развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом [26].

На пересечении «державничества» и «неоевразийства» находится концепция «Россия – Пятая Империя», принадлежащая писателю и публицисту А. Проханову. «Первой русской Империей, – поясняет он, – была Киевская Русь. Второй – Московское царство Рюриковичей. Третьей – «белое царство» Романовых. Четвертой – «красный» Советский Союз. Мы свидетели зарождения Пятой Империи. Она еще не видна. Ее зачатия почти никто не заметил. Кругом все те же карканья, клёкот и хрип. Но священное зачатие состоялось... Пятая Империя – хрупкий отрок с тоненькой шейкой, в косоворотке, как отрок Варфоломей на картинах Нестерова. Стоит босичком на сырой траве под черными тучами мира, в которых клубятся молнии, падают горящие самолеты, взрываются кварталы Бейрута, сотрясаются континенты. Куда пойти? Где снискать благодать?» [27].

В 2006 г., характеризуя обстановку на ПП, А. Проханов писал: «Страны СНГ – это оторванные конечности империи, которые обречены на гниение вне имперского тела. Все они – не склеенная, бессмысленная горсть дурных пространств и разделенных народов, среди которых не приживутся больные молекулы мнимой государственности. Клань Казахстана раздирают страну на несколько фрагментов, из которых самый живой и промышленный тяготеет к России. Единство Украины подвешено на косе Юлии Тимошенко, на этом синтетическом, выбеленном перекисью жгуте. Молдова – жалкий придаток русского Приднестровья. Грузия – то малое, что осталось после отделения Абхазии и Южной Осетии. Половина Прибалтики говорит по-русски и считает Нарву и Дерпт трофеями Петра Первого. Только слабость нынешней России и кажущееся могущество Америки мешают Империи запустить процесс распада новообразований. Превращенные в пыль, они будут втянуты могучим пылесосом Империи» [28].

В то же время РФ не должна торопиться к «реконструкции имперских пространств», потому что грядут масштабные изменения в раскладе сил на международной арене. «Уже теперь Соединенные Штаты не могут контролировать процессы в Латинской Америке... Тем более, в «час амери-

канской беды» они не смогут дотянуться до территорий, где Алма-Ата – русский город, и Куща – русский город, и Севастополь – русский город, и сквозь грязную замазку и известь, нашлапанную малярами «окаанных лет», все ярче и ослепительней проступает фреска Великой Державы» [28]. Относительно средств и методов достижения этого указывается следующее: «Дипломатия «Пятой Империи» – это газ, орбитальные группировки, русский язык и та, проверенная Западом культура «оргоружия», что не раз завершалась «революциями роз и гвоздик». У нас в России другие цветы – колокольчики и ромашки» [28].

Следует отметить, что в 2000-е гг. определённые изменения претерпела и концепция «Остров Россия» В. Цымбурского. Как и ранее, ПП он считает частью «единого пояса», отделяющего РФ «от всех примыкающих к незамерзающим океанам центров силы и цивилизационных центров»: Евро-атлантики, арабо-иранского Ближнего и Среднего Востока, Индии. Вместе с тем, отмечал он, «модель Великого Лимитрофа пришлось дополнить восточной частью, поясом тюркских, монгольских <...> алтайских народов, простирающимся по стыку России и Китая и замыкающимся на еще одном алтайском народе – корейцах. Очерчена была система Великого Лимитрофа – от Корейского полуострова и до Финляндии. <...> Не будучи никем из западных лидеров заявлена в качестве официальной, она лучше описывает политику республиканской и поздней демократической администрации» США [29].

На современном этапе, полагал В. Цымбурский, наблюдается «подтверждение модели Острова России». При этом своеобразным «российским шельфом» – землями, соединенными с «нынешними коренными российскими территориями физической географией, геостратегией, культурными связями» – являются Восточная Украина, Крым и «определенные территории Кавказа и Центральной Азии». Размышляя в 2008 г. о перспективах внешнеполитического позиционирования РФ, он даёт следующие рекомендации: «...Идя за классической германской геополитикой, нам надо чётко различать геополитику пространств и геополитику границ... Россия не заинтересована сейчас <...> в радикальном пересмотре контура своих пространств. Скажем, выдвижение к Босфору и Дарданеллам – это идея <...> совершенно абсурдная с точки зрения внутренних задач России. <...> Нынешние контуры России оптимально отвечают российской геополитике пространств. <...> Геополитика границ требует детального, скрупулезного анализа и учета в конкретной ситуации ввиду существования шельфа России и ввиду оценки ситуации на этом шельфе с точки зрения наших интересов и нашего будущего» [30].

Оценивая роль идей В. Цымбурского в формировании современных внешнеполитических приоритетов РФ, известный философ и политолог Б.

Межуев подчёркивал: «В отличие от левых теоретиков, Цымбурский считал, что Россия не должна тратить свои усилия на то, чтобы мир быстро перешел от «гегемонии» США к многополярности, но ей следует попытаться удержать – в целях собственного государственного строительства – нынешнее колеблющееся равновесие между доминированием США и подъемом новых претендентов на роль региональных центров силы – Китая, Индии, объединенной Европы, Ирана и т.д. Именно для удержания этого баланса требовалось не допустить стратегического присутствия США на территории Великого Лимитрофа <...> Цымбурский фактически предсказал все направление российской внешнеполитической активности второго срока В. В. Путина: упорное стремление России в сотрудничестве с Китаем в рамках ШОС не допустить закрепления США в Центральной Азии, а также на Украине и в Закавказье» [31].

Многие исследователи отмечали значительное влияние идей В. Цымбурского на изменение внешнеполитического мышления элит РФ и её стратегии на ПП. В этом отношении публицист Е. Холмогоров выделял роль тезиса о России как полноценном геополитическом субъекте, способном на самостоятельные действия вне каких-либо альянсов. «Именно эти идеи, – акцентировал он, – кстати, были ключевыми для становления младоконсервативно-националистического дискурса и переворота, произведенного им в российской идеологии и политике между 2003 и 2007 годами. Переворота, сделавшего возможным и отказ власти от риторики «реформ», и переход на внешнеполитический язык «мюнхенской речи», и отказ от заискивающего поиска альянсов в пользу политики с позиции силы или, хотя бы, её демонстрации. Цымбурский являл собой пример редкого политического мыслителя, чьи идеи нашли признание и воплощение при жизни, то есть пример действительно оказавшейся успешной смыслократии» [32].

Что касается концептуального осмысления национальных интересов России в контексте её политики на ПП, то ещё в конце 1990-х гг. известный учёный и общественный деятель А. Кокошин утверждал о необходимости для обеспечения национальной безопасности РФ в условиях современных международных отношений укрепить её «реальный суверенитет». В начале первого десятилетия нового века данная концепция получила смысловое развитие. «Реальным суверенитетом, – разъясняет её сущность А. Кокошин, – обладает сравнительно небольшое число стран, и это не только современный феномен. Так было практически на протяжении всей мировой истории. Реальный суверенитет означает способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т. п.» [33, с. 49-50].

При этом обеспечение «реального суверенитета» не означает экономической автаркии и изоляции от внешнего мира, а, наоборот, способствует оптимальной интеграции государства в мировую экономику. В процессе достижения и укрепления «реального суверенитета» России ключевую роль играет ПП, где сталкиваются интересы глобальных и региональных акторов, которые (в особенности США) осуществляют противодействие российским инициативам. Поэтому приоритетное значение для РФ имеет обеспечение безопасности своих границ, а, следовательно, поддержание баланса сил в регионе ННГ [33, с. 56-57]. Для этого, подчёркивает А. Кокошин, России необходимы современные, хорошо оснащенные, компактные силы общего назначения, способные к проведению операций, прежде всего на евразийском пространстве, в том числе «операций по обеспечению безопасности наших друзей и союзников», а также соотечественников, проживающих в тех или иных зарубежных странах [33, с. 66].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что под воздействием внутренних и внешних факторов российский дискурс 2000-х гг., связанный с проблемами внешнеполитической стратегии и национальной безопасности нашего государства на ПП, эволюционирует в сторону формирования концепций прагматического содержания [34]. Идеи «атлантизма» приобретают более реалистичный характер в форме концепции «либеральной империи». Парадигма «реализма» воплотилась в виде российского «державничества», проявлениями которого стали: идея сохранения status quo на ПП; концепция России как «великой европейской державы»; постулирование «особых отношений» с «ближним зарубежьем». Укрепляются позиции сторонников консервативно-патриотического направления. Растёт популярность и значение концепции «Русского мира». В русле «неоевразийства» формируется концепция возрождения России как «евразийской империи» в форме нового Евразийского союза. На пересечении «державничества» и «неоевразийства» находится концепция «Россия – Пятая Империя». Определённые дополнения внесены в неоиоляционистскую концепцию «Остров Россия». Теоретическое осмысление национальных интересов РФ происходит в рамках концепции «реального суверенитета».

Список литературы

1. *Kuchins A.* Alternative futures for Russia to 2017. – Washington, D.C.: The CSIS Press, 2007. – 71 p.
2. *Крашенинникова В.* Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007. – 392 с.
3. *Арбатов А.* Россия: особый имперский путь? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 6. – Режим доступа: [http://](http://www.globalaffairs.ru/number/n_5977)

www.globalaffairs.ru/number/n_5977.

4. *Арбатов А.* Цель России – трансрегиональный центр влияния на территории постсоветского пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1203413220>.
5. *Арбатов А. Г.* Расширение НАТО и национальные интересы России // Политика. – 2006. – № 2. – С.94 – 103.
6. *Адамишин А.* На пути к мировому правительству [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2002. – № 1. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_65.
7. *Паин Э.* Россия между империей и нацией // Pro et contra. – Май-июнь 2007. – С. 42-59.
8. *Пионтковский А.* У окна в Европу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.107900.html>.
9. *Чубайс А.* Россия как либеральная империя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/empire/russia/>.
10. *Гозман Л.* Россия станет полноправной частью мировой либеральной империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2004/12/23/190431.html>.
11. *Павловский Г.* Pax Medvedica: Россия Медведева выходит из глухой обороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kreml.org/media/243474743>.
12. *Павловский Г.* Европейский Союз и Россия обречены на конфликты и поиск их решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kreml.org/opinions/118813092>.
13. *Сергунин А. А.* Российская внешнеполитическая мысль: национальная и международная безопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00001/>.
14. *Марков С.* В Европу – вместе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2001-08-29/3_together.html.
15. *Затулин К.* Подруги вместо содержанок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zatulin.ru/index.php?§ion=digest&id=365>.
16. *Затулин К.* Украинская политика России должна быть честной и активной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zatulin.ru/index.php?§ion=digest&id=358>.
17. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в современном мире. – М.: Алгоритм, 2009. – 416 с.
18. *Щедровицкий П.* Русский мир и транснациональное русское [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-transnatio/.
19. *Батанова О. Н.* Русский мир и проблемы его формирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук: спец. 23.00.04 / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2009. – 24 с.
20. *Тишков В.* Русский мир: смысл стратегии [Электронный ресурс] // Стратегия России. – 2007.

№ 7. – Режим доступа: http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035&start_from=&ucat=14&

21. *Кортунов С. В.* Грядет ли Пятая Империя? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dom.viperson.ru/wind.php?ID=294371&soch=1>.

22. *Кургинян С.* Слагаемые победы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/08/770/11.html>.

23. *Дугин А.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 382 с.

24. *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/502761>.

25. *Глазьев С.* Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/.

26. *Толстов С. В.* Перспективы Евразийского интеграционного проекта. Россия примеряется к мировым экономическим и политическим процессам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2011-10-31/11_perspective.html.

27. *Проханов А.* Технологии «Пятой Империи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://librus10.ilive.ro/aleksandr_prohanov_tehnologii_

pjatoj_imperii_52624.html.

28. *Проханов А.* Симфония «Пятой Империи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article9888.htm#113>.

29. *Цымбурский В.* Россия: линии разлома [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2033>.

30. *Цымбурский В.* Шельф Острова Россия. Геополитика пространств и геополитика границ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article20733.htm>.

31. *Межуев Б.* «Остров Россия»: время и место одной историософской концепции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=137&ida=1517&idv=1527#REF14>.

32. *Холмогоров Е.* «И всякий остров спасся». Памяти Вадима Цымбурского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/day-comment/2254#comments>.

33. *Кокошин А.* Реальный суверенитет. – М.: Европа, 2006. – 88 с.

34. *Пашковский П. И.* Концептуальные основы политики России на постсоветском пространстве в 2000-е гг. // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2014. – Т. 27 (66). – № 1-2. – С. 349-358.